

Е.В. Смынтина

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова,
Одесса, Украина
smyntyna_olena@onu.edu.ua

**ТЕОРИЯ УПРУГОСТИ КУЛЬТУРЫ
КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ НА РУБЕЖЕ ПЛЕЙСТОЦЕНА
И ГОЛОЦЕНА ПОД ВЛИЯНИЕМ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ КЛИМАТА**

O.V. Smyntyna

I.I. Mechnikov Odessa National University,
Odessa, Ukraine

**THEORY OF CULTURAL RESILIENCE
AS AN INSTRUMENT FOR INTERPRETATION OF CULTURAL CHANGES
IN NORTH-WESTERN BLACK SEA REGION ON THE PLEISTOCENE-HOLOCENE
BOUNDARY UNDER THE GLOBAL CLIMATE CHANGE**

ABSTRACT: This article summarizes the contemporary postulates of the cultural resilience theory and examines the possibility of its application for the studies of human response to the global climate change in the Early Prehistoric societies. Evolution of the subject field of the resilience concept is demonstrated through the broad range of natural, social and environmental sciences. Subject of special attention of the author is the essence of cultural resilience notion and its application in the prehistoric studies, particularly, for the hunter-gatherers societies. The article particularly focuses on the transformation of livelihood and subsistence strategy of the population of the North-Western Black sea region which took place on the Pleistocene-Holocene boundary in connection with the Black Sea level rise and the coastline migration and possibility of its further explanation on the base of the cultural resilience theory. As the result, the culture resilience theory is conceptualized as an important component of

the contemporary methodology of the conceptualization of human and nature interaction in historical retrospection, applied for explanation of the durability and the scale of changes in the mode of life, subsistence strategy and social networking background. In this context the special emphasis in the cultural resilience studies should be made on the everyday routine activities of prehistoric population, which helped this cultural group to survive without any principal transformations.

Понятие упругости, широко используемое в физике и инженерии для определения способности системы к самовосстановлению под воздействием стрессоров, впервые в похожем контексте было использовано в экологических науках в середине 1970-х годов [Holling, 1973, p. 296]. В последней трети XX века в научный оборот вводится понятие «экологической упругости», определяемое как степень возбуждения, которому может противодействовать система, не трансформируя при этом процесс самоорганизации и сохраняя собственную структуру [Nelson, Adger, Brown, 2007, p. 395].

В начале XXI века теория упругости в экологии усовершенствуется за счет признания ее тесной связи с понятием «адаптивной способности», т.е. способности людей преодолеть изменение своего природно-ландшафтного окружения путем наблюдения и внесения необходимых изменений в свое взаимодействие с данным окружением. В результате для обозначения системы поглощать стресс и реорганизовываться под его воздействием в научный оборот вводится понятие климатической упругости [Folke, 2006, p. 256, 258].

В культурной и социальной антропологии, психологии и науках о поведении человека, в педагогике и культурологии теория упругости культуры входит в научный оборот практически одновременно с ее распространением в экологии [Vayda, McCay, 1975, p. 293-306]. Упругость культуры здесь означает способность культуры в стрессовых условиях поддерживать и развивать культурную идентичность; это понятие используется для определения того, как культурная подоснова (включая традиции и обычаи) помогает личностям и общностям преодолевать сложности [Claus-Ehlers, 2015, p. 324].

Осмысление связи между упругостью культуры и адаптацией стало исходным пунктом установления связи между упругостью и другими понятиями, введенными в научный оборот в течение последнего десятилетия для обозначения взаимодействия природы и человека в прошлом и в наши дни, в частности, в связи с понятием уязвимости (**vulnerability**), избыточности (**redundancy**), устойчивости (**sustainability**), смягчения влияния (**mitigation**), стресса и регулирования (**adjustment**) [Smith, Wandel, 2006, p. 282-292; Adger, 2000, p. 347, 349; Dincauze, 2000, p. 73].

Таким образом, на протяжении последнего десятилетия концепция теории упругости приобретает значение трансдисциплинарной, а ее использование требует привлечения новейших достижений в комплексном изучении взаимодействия между разнообразными факторами природного и антропогенного происхождения [Smyntyna, 2013, p. 38].

В результате сегодня теория упругости выступает как исследовательский инструмент, акцентирующий внимание на внешнем влиянии как на катализаторе эволюции социо-экологической системы, при этом данная эволюция рассматривается как способ компенсации и нивелирования данного влияния. Собственно, в этом и состоит ее основное отличие от широко используемой в пост-советской археологии теории адаптации, которая концентрируется на непосредственной реакции системы на подобное влияние.

Использование теории упругости для исследования ответа человека на глобальные изменения климата в первобытной археологии отмечается уже в 2010-х годах. Применительно к каменному веку, в частности, теория упругости была применена для описания эволюционных по своему характеру изменений, которые позволили компенсировать внешний вызов, в ходе реконструкции использования сланцевых пород камня на всемирно известном поселении Чатал-Хуйк в Турции [Nazaroff et. all., 2015, p. 402-428]. Как представляется, теория упругости в подобном понимании может стать плодотворным инструментом исследования ответа человека на глобальные изменения климата в Северо-Западном Причерноморье, в частности, в ответ на подъем уровня Черного моря на рубеже плейстоцена и голоцена.

Экологические, культурные, социальные и исторические последствия данного процесса являются предметом жарких дискуссий с 1997 года, когда В. Райен и У. Питман предложили ги-

потезу Черноморского (или Великого Ноева) Потопа [Ryan, 2007, p. 63-88]. Несмотря на то, что эта гипотеза была остро раскритикована специалистами в области морской геологии, археологии и ряда смежных наук, некоторые ее положения получили распространение в средствах массовой информации и нашли поддержку в научном сообществе, способствуя интенсификации междисциплинарных исследований в регионе и стимулируя пересмотр теоретических рамок интерпретации ответа человека на глобальные изменения климата.

В результате была создана обобщающая картина историко-культурного и экономического развития населения Северо-Западного Причерноморья в первобытную эпоху в связи с историей Черноморского бассейна [Янко-Хомбах и др., 2011], которая стала подосновой для определения отдельных явлений и черт поведения, присущих позднепалеолитическому и мезолитическому населению данного региона как проявления упругости их культуры.

Так, в частности, подобные черты наиболее ярко проявляют себя в тех формах деятельности, которые осуществляются повседневно большинством людей: в производстве орудий труда и в добывании пропитания.

В отношении орудий труда, проявлением упругости культуры можно считать использование геометрических вкладышей носителями царинской и белолесской культур: в обоих случаях данная культурная новация обеспечила выживание данного населения в сложной экологической ситуации дриаса III — начала пребореального периода голоцена благодаря максимальной стандартизации, соответственно, и упрощению и интенсификации процесса изготовления охотничьего вооружения, которое было более эффективным по своим прицельным качествам и дальности использования. Одновременно это способствовало изменению ориентации охоты за счет овладения промыслом небольших нестадных животных (тура, сайги и др.).

Признаком упругости культуры является и попытка приручения тура на поселении Мирное в Нижнем Подунавье, а также более интенсивное использование в данном микрорегионе растительной пищи в бореальном периоде голоцена: данные изменения практики жизнеобеспечения дают возможность местному населению продолжать свою жизнедеятельность в данном регионе и способствуют общему возрастанию уровня оседлости.

Кроме повседневной деятельности, в контексте упругости культуры отдельного внимания заслуживают также миграции и освоение новых жилых пространств. Так, переселение с территории соседней Добруджи носителей белолесской культурной традиции, или встречное движение царинского и рогаликского населения в пребореале, и гребениковского и кукрекского населения в бореальном периоде голоцена также могут рассматриваться как проявления упругости данных культур, поскольку изменения ареала их распространения способствовали дальнейшему развитию данных культурных и технологических традиций.

Указанные изменения поведения человека стали катализаторами эволюции социо-экологических систем Северо-Западного Причерноморья на рубеже плейстоцена и голоцена, так как они не просто обеспечили выживание определенной группы населения (как это имеет место в случае культурной адаптации), но и поспособствовали его переходу на новые этапы развития культуры. На рубеже дриаса III — пребореала это проявилось в процессах мезолитизации, а в позднем бореале — в атлантическое время — в неолитизационных тенденциях.

С другой стороны, изменения в системе расселения и мобильность носителей всех культурных традиций, населявших Северо-Западное Причерноморье на рубеже плейстоцена и голоцена, более целесообразно интерпретировать как чисто адаптивные по характеру: они были вызваны изменениями климата и ландшафта и были достаточными для того, чтобы гарантировать выживание отдельных групп населения в новых экологических условиях, однако, не способствуя созданию новых культурных явлений.

Список литературы

1. Adger W.N. **Social and ecological resilience: Are they related?** // *Progress in Human Geography*. 2000. 24(3) P. 347-364.
2. Clauss-Ehlers C.S. Cultural resilience // *Encyclopedia of Cross-Cultural School Psychology*. Springer, 2015, P. 324-326.

3. Dincauze D.F. *Environmental Archaeology: Principles and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 460 p.
4. Folke C. Resilience: The emergence of a perspective for social-ecological systems analyses // *Global Environmental Change*. 2006. 16. P. 253-267.
5. Holling C.S. The resilience of terrestrial ecosystems: Local surprise and global change // *Sustainable Development of the Biosphere*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973, P. 292-317.
6. Nazaroff A.J., Baysal A., Çiftçi Y., Prufer K. Resilience and redundancy: Resource networks and the Neolithic chert economy at Çatalhöyük, Turkey // *European Journal of Archaeology*. 2015. 18(3). P. 402-428.
7. Nelson D.R., Adger W.D., Brown K. Adaptation to environmental change: Contributions of a resilience framework // *Annual Review of Environment and Resources*. 2007. 32. P. 395-414.
8. Ryan W.B.F. Status of the Black Sea flood hypothesis // *The Black Sea Flood Question: Changes in Coastline, Climate and Human Settlement*. Springer, 2007. P. 63-88.
9. Smit B., Wandel J. Adaptation, adaptive capacity and vulnerability // *Global Environmental Change*. 2006. 16(3). P. 282-292
10. Smyntyna O. *Environment in Soviet and Post-Soviet archaeology // Humans and environment: new archaeological perspective for the twenty-first century*. Oxford: Oxford University Press, 2013, pp. 27-44.
11. Vayda A.P., McCay B.J. New directions in ecology and ecological anthropology // *Annual Review of Anthropology*. 1975. 4. P. 293-306.
12. Янко-Хобах В.В., Смынтына Е.В., Кадурич С.В., Ларченков Е.П., И.В. Мотненко, С.В. Какаранза, Д.В. Киосак. Колебания уровня Черного моря и адаптационная стратегия древнего человека за последние 30 тысяч лет // *Геология и полезные ископаемые мирового океана*. 2011. 2(24). С. 61-94.